

Борис Минаев

Мемориал и вокруг

1. В поисках жанра

Невероятно трудно (для многих) было именно выходить из карантина. Избавиться от этого навязчивого чувства тревоги. Преодолеть страх. В первый раз пойти к кому-то в гости или просто посидеть в кафе. Прогуляться по улице или в парке. По улицам Москвы кружили какие-то адские тусовки молодежи, места на летней веранде надо было заказывать за неделю — и тем не менее, несмотря на вырвавшуюся на свободу толпу, для очень многих этот первый шаг был труден.

Дело не только в психологии.

Зрело общее ощущение, что просто по шелчку взять и все вернуть — нельзя. Что так, увы, не получится. Что никто уже не попадет механически в ту самую реальность, из которой вышел четыре месяца назад.

Потому что реальность — она как поток, вода, как река. *Та* реальность уже утекла.

Деньги, работа, политика — в одночасье перестали быть опорой. Изменились настроение людей, ощущение времени. Изменились, знамо дело, и бытовые привычки — но что они такое, как не основа бытия?

Работать стало можно дома, продукты заказывать по интернету, жить на даче. Близких родственников не видеть вообще.

Из искусственно-иллюзорного этот новый мир превратился в довольно плотную незнакомую реальность, в которой стало не очень комфортно и не очень легко.

С другой стороны, прояснились вдруг некие вещи, которые раньше были понятны не до конца. Например, стало ясно, что детей учить по зуму и скайпу практически невозможно. На это уходит у педагогов дикое количество сил и нервов, а эффект почти нулевой. Проводить совещания и планерки можно, руководить можно, сценарии писать можно, а вот учить детей — нет.

Есть нечто в человеческом устройстве, что никак не вкладывается в цифровой, заочный формат.

Что это? Наверное, прямой контакт, некая привычка смотреть в глаза. Ежедневная необходимость входить в клетку со львами. Магия и гипноз общения.

Все это вместе и называется педагогика. Но не только она.

Примерно то же самое я могу сказать и о театре. Театр расцвел в цифровом виде, как пышный экзотический цветок, — я уже не раз писал об этом в моей рубрике. Но онлайн показы всего бывшего и случившегося когда-то — это одно, а «цифровой театр» — это совсем другое, совсем новое искусство, которое вроде бы должно было продемонстрировать, что и зал, в сущности, не нужен, и билеты не нужны, да и репертуар практически — тоже. Да и актеры — далеко не всегда. Разве что их голоса.

Наглядный пример. «Вишнёвый сад» на YouTube-канале Большого драматического театра Петербурга, созданный в стиле компьютерной игры Minecraft, — изящная анимация, где легио-человечки ходят по легио-сцене (сравнение с игрой Lego, в общем, почти ничем не отличающейся от Minecraft, мне как-то привычной). Все это не назовешь просто пародией, хоть и смешно очень. И карикатура, и анекдот, и что-то от ярмарочного кукольного представления... — да, здесь все это есть, однако — не пародия. Удивительно, но эти человечки на шарнирах, разгуливающие по виртуальной сцене, составленной тоже из легио-пластинок, искусственными шагами, по прямым линиям, вызывают в нас примерно те же чувства, что и настоящие Фирс, Любовь Раневская, Гаев, Лопахин. И вдруг выясняется, что и они тоже — те, привычные образы, привычные отношения, что это тоже игра, просто другого уровня. Здесь есть освобождение, раскрепощение от пафоса «Вишнёвого сада» (я их видел в жизни, наверное, вариантов двадцать, и каждый раз режиссер решал эту задачу по-разному), есть раскрепощение — но отказа от ценностей, от самой игры в «Вишнёвый сад», тут нет. Так дети, например, могли бы играть в «Айвенго» — если б читали книжки, и привычный сюжет становился бы от этого лишь сильнее, наполнялся новой энергией.

По-другому посмеялись над идеей живого театра создатели проекта ARS LONGA (искусство вечно), на драматургической основе Михаила Дурненкова (совместный проект ташкентского театра «Ильхом» и алма-атинского театра «Артишок») — это зум-сериал, в котором пародируется идея зум-сериала. Ну, вот такая система зеркал, отражения в котором делятся и множатся, пока не перерастают в свою абсурдную противоположность.

Сериал вообще-то довольно добрый и смешной, каждый из актеров тащит на виртуальную сцену свою судьбу, свою личность, свое время, и это здорово показано, я бы сказал, нежно — и все это вступает в жуткий контраст с привычным для «новой драмы» жестоким фарсом, с грубоватым вываливанием на зрителя самых правдивых артефактов массовой культуры и обыденной жизни — нате, ешьте. Одно не очень понятно, а чем театральный зум-сериал отличается от киношного зум-сериала — скажем, от «Окаянных дней»? Да в общем ничем. Разве только тем, что там «настоящие люди», а тут «актеры».

И в этом странном смешном зоре вдруг и выясняется одна интересная вещь...

2. В поисках хуэрука

Пока все эти четыре месяца продолжались лихорадочные эксперименты: театры объявляли онлайн трансляции, создавали активные страницы в соцсетях, срочно нанимали технарей и администраторов, чтобы обеспечить всю эту красоту, подвергали жесткой ревизии видеоархив, то есть искали и пересматривали записи старых спектаклей, искали новые революционные жанры, все более становилось понятно: это хорошо лишь вокруг *живого* театра.

И что без этой старой архаичной основы не обойтись.

...Тут-то начали происходить вещи, которые заставили нас всех всерьез задуматься, а что же будет с этим традиционным, *живым* театром?

Сергей Васильевич Женовач провел в июле собрание труппы перед открытием сезона в МХТ (хотя когда он откроется, совершенно пока не ясно) и объявил, что Художественный театр перестает быть «музеем Табакова» или «мемориальным домом Табакова», что он снимает целый ряд спектаклей и весь год будет готовить три-четыре премьеры, которые и станут ключевыми для понимания нового МХТ — эпохи Женовача.

Многих спектаклей действительно жаль.

Жаль «Вишнёвый сад» в постановке знаменитого Адольфа Шапиро — с Ренатой Литвиновой и с декорациями Давида Боровского. Спектаклю, созданному в 2004 году к 100-летию первой постановки чеховской пьесы, аплодировали Афины и Пекин.

Записанный на пленку, он с успехом шел в кинотеатрах англоязычного мира — США, Канады, Австралии, Великобритании. И спустя пятнадцать лет после премьеры он по-прежнему живой и аншлагово востребован мхатовскими зрителями. Пустая сцена, занавес с чайкой, ставший стенами дома, тонкая растерянная женщина не находит себе места, пронзительный романс «еврейского оркестра», ощущение нависающей трагедии, космический холод финала... Трудно забыть это впечатление. Теперь буду бережно восстанавливать его в памяти.

Жаль «Конька-Горбунка» режиссера Евгения Писарева — мюзикла со стихами Алексея Кортнева и музыкой Сергея Чекрыжова, в хореографии Альберта Албертса. Все сколько-нибудь «продвинутые» родители Москвы (то есть родители, озабоченные культурным кругозором своих детей) мечтали попасть на него, увидеть это балаганно-яркое, веселое и в то же время тонкое и ироничное представление. Премированное, кстати, сразу и «Хрустальной Турандот», и «Золотой маской», и СТД. Но дело не в премиях — просто таких детских спектаклей у нас мало, тех, которые могли бы передаваться из поколения в поколение — как наследство. А «Конёк», получается, продержался в МХТ лишь двенадцать лет.

Исчезают из репертуара, судя по сообщениям прессы, «Светлый путь 19.17», «Осада», «Обрыв»... В перспективе — «оптимизация»: половине нынешнего актерского состава грозит увольнение. Уже в новом сезоне без спектаклей могут остаться самые знаменитые мхатовцы (назовем их так, по-старому) — Любшин, Тенякова, то есть те, с кем связаны лучшие страницы еще ефремовского театра. Те, кто вез на себе театр в 90-е. Жаль — в конце концов, зритель имеет право не просто покупать билеты, но и в каком-то смысле определять, какая часть наследства является для него непреложной ценностью. Но самое главное, и актеры, и зритель имеют право знать — а куда, собственно, уже третий год идет знаменитый театр? В какую сторону?

Театральный мир заволновался, ну а я вспомнил середину 90-х. Тогда мы частенько захаживали в театр на Малой Бронной, худруком которого и был Женовач. Вообще Сергей Женовач — это режиссер, спектакли которого (в разных театрах) я смотрел в жизни больше всего. Ну, вот так получилось. Там, на Малой Бронной был совершенно потрясающий «Идиот» в трех вечерах. Уморительно смешные тургеневские «Маленькие комедии». Меня совершенно очаровала режиссура Женовача — мягкая, неброская, основанная исключительно на личности актера, на погружении в классический текст, медленном вчитывании в каждое слово, на работе с интонациями, с голосами, по сути, это даже не совсем театр, а такая музыка слова, которая захватывает тебя гораздо круче, чем иные находки «сцендвижения». Да, актеры Женовача почти всегда статичны, они создают сценическую энергию, выбрасывая в зал лишь сконцентрированные своим внутренним «я» эмоции. Они создают ощущение старого театра, театра позапрошлого века, но обновленного через психологическую структуру человека нового времени.

Это очень тонкий нежный театр. И он оставался таким всегда — и когда Женовач ставил знаменитый «Месяц в деревне» в театре Фоменко, и когда он вдруг пришел в МХТ и поставил там «Белую гвардию» (2004 год), и прекрасный спектакль по Островскому «Правда хорошо, а счастье лучше» (2002 год) в Малом театре, и когда вдруг сложилась у него «Студия театрального искусства» на Таганке («Три года», «Игроки», «Москва — Петушки», «Самоубийца»). Театр Женовача. Где бы он ни был.

А что же, собственно, драматический театр на Малой Бронной? Как сложилась его судьба? А никак. Дело в том, что вот такой — очень камерный, неброский и нежный театр — нравился далеко не всем. Многие считали его скучным. В этом несложно было убедиться — я всегда, на всех спектаклях на Бронной оглядывался назад и видел десяток пустых задних рядов. Это было обидно. Несправедливо. Но абсолютно неустранимо — режиссер устал бороться с дирекцией и ушел из театра, где когда-то блистали Михоэлс и Эфрос, и развалился творческий коллектив, исчезла эстетика, разошелся актерский состав.

В 2019-м на Малую Бронную пришел Константин Богомолов.

Ну а Женовач два с половиной года назад, не уходя из собственной «Студии», пришел, как известно, в МХТ — тоже худруком.

...О том, что это когда-нибудь произойдет, давно говорили все театральные критики. Огромные в смысле репутации и мифа, статусные (не люблю это слово, но пусть в данном случае подчеркнет проблему), заслуженные, привычные, академические в хорошем смысле театры — Ленком, Таганка, «Современник», Художественный — просто физически потеряли за последний год-два своих руководителей, на которых «все держалось». Держался прежде всего сам принцип — это вот такой театр, с таким репертуаром, с такой харизмой, с таким актерским составом, с таким выбором пьес. Нравится, не нравится — другое дело, но вы точно знали, куда приходите и чего ждете. И вот все это кончилось. Лихорадочно, нервно, тяжело, иногда трагически — пришлось искать им замену. Им — Любимову, Волчек, Захарову, Табакову.

Как им теперь жить — этим действительно легендарным театрам — в свете столь яркого и могучего мифа, имея за плечами звенящее прошлое, протянутое в прошлый век? Помогла ли ответить на этот вопрос вынужденная пауза? Времени для размышлений было достаточно.

Я, конечно, очень-очень желаю успеха и Константину Богомолову на Малой Бронной, и Сергею Женовачу в МХТ, и Виктору Рыжакову в «Современнике», но я трезво понимаю — что-то может пойти не так. Новый худрук может не стать заменой прежнему. Новая эстетика — не вписаться в старые рамки. Новые спектакли могут вызвать у «широкого зрителя» неоднозначную реакцию. Начинать всегда легче с нуля.

С нетерпением поэтому жду спектакль «Крум» по пьесе израильского автора Хануха Левина (в постановке молодого режиссера Андрея Маника) в «Современнике». «По сюжету Круму около 40 лет, он возвращается из-за границы домой, не добившись никаких успехов на литературном поприще. В планах — написать сильное и большое произведение, но не сейчас, а потом, когда наступит подходящий момент». Символическая история — и еще более символическим выглядит озвученный Виктором Рыжаковым план создать у входа в театр мемориал, где будет увековечена память Олега Ефремова, Галины Волчек, Игоря Кваши, Лилии Толмачевой, Евгения Евстигнеева, Олега Табакова и Виктора Сергачева. Основатели «Современника» станут памятником... Театральная лаборатория «Современника» работала постоянно, еще при Волчек в театре искали молодых режиссеров, новую драматургию. Но, может быть, с этого момента будет легче искать новый путь.

Константин Богомолов уже давно объявил, что первыми премьерными театрами на Малой Бронной под его художественным руководством станут «Бесы» Достоевского и «Покровские ворота» Леонида Зорина. Планам этим, правда, несколько помешал карантин, да и ремонт в здании — «Малая Бронная» переезжает в театральный особняк на Яузе, который несколько сезонов осваивал «Современник», тоже находившийся в состоянии ремонта. Ремонт дело небыстрое, и на «Электрозаводскую», боюсь, поездить пока придется.

В ближайших планах МХТ — «Чайка» в постановке Оскараса Коршуноваса и «Сахарный немец» Уланбека Баялиева.

Ну а в ожидании этих премьер я лично мечтаю о театре, где будут собраны воедино творческие усилия и «полёты во сне и наяву» нового театрального поколения, которое входит в искусство трудным путем — через студию, через «театральные подвалы» на сорок зрителей, через головокружительные эксперименты. Это, по моему мнению, и есть некий сегодняшний эквивалент молодой Таганки, революционного МХТ — брусникинцы, Театр.doc, лаборатория Крымова, театр Коляды. Верю, что и они — кто-то из них — перешагнет нынешние рамки, ломает их. Как когда-то это делали Ефремов, Волчек, Любимов и другие.